

Слушая этот душераздирающий плач, Лысый и его группа без особого внимания жевали выданные им сушеные грибы и финики, настороженно осматривая окрестности.

Они ничего не говорили.

Когда-то у них были семьи: родители, братья, сестры, любимые или дети. Но теперь они остались совсем одни.

Вот только они давно перестали быть детьми, а потому больше не имели права с такой отчаянной непосредственностью бросаться кому-то в объятия и рыдать в голос.

Взрослые могли сдерживаться, но Цзи Ань — нет. Услышав этот плач, его глаза моментально покраснели, и крупные слезы хлынули вниз. Когда Цзи Яньцин посмотрел на него, мальчик уже задыхался от рыданий.

С тех пор как Цзи Яньцин подобрал его, мальчик вел себя очень послушно: ел совсем чуть-чуть, пил по капле и старался не отставать. Он изо всех сил пытался казаться сильным и самостоятельным, но ему было всего три года.

Обида и страх, чувство покинутости и тревоги, что глубоко сидели в его сердце, никуда не делись.

Глядя на его несчастный, обиженный вид, Цзи Яньцин протянул к нему руку.

Увидев это, Цзи Ань тут же бросился в объятия мужчины. Вдыхая знакомый запах и ощущая тепло его рук, он тоже разрыдался в голос.

Плач продолжался очень долго.

Когда рыдания стихли и Цзи Яньцин снова взглянул на них, оба ребенка уже спали от изнеможения.

Выплеснув свою тревогу и страх, они во сне крепко вцепились в одежду Цзи Яньцина, словно в спасательный круг. На их грязных личиках застыло такое редкое чувство безопасности.

От этого зрелища — заплаканных лиц и влажных от слез ресниц — даже простому наблюдателю сжимало сердце.

Цзи Яньцину пришлось приложить усилие, чтобы разжать их маленькие ладошки.

Он положил Цзи Ле в рюкзак.

Лань Цзы принесла свой рюкзак. Она выкинула из него теплую куртку, чтобы Цзи Яньцин смог положить Цзи Аня туда.

У каждого был рюкзак, но набиты они были не сильно: еда, вода, немного основных принадлежностей и всего пара сменных вещей.

Устроив обоих детей, Цзи Яньцин поднялся и повел группу вперед. У них не было времени, нужно было как можно скорее найти воду.

— Ты что, плачешь? — с некоторой насмешкой спросил Ся Шэньшу, окликнув его спустя некоторое время пути.

Цзи Яньцин оглянулся.

Лысый метнул взгляд на Ся Шэньшу и потерял свой левый глаз. Тот был красным, словно он действительно только что рыдал.

Нельзя заплакать только одним глазом.

— Что случилось? — спросила Лань Цзы.

— Что-то попало, — ответил Лысый, небрежно потирая глаз.

В лесу не было зомби, и это немного успокоило всех, сделав атмосферу чуть более расслабленной.

Однако это длилось недолго. Вскоре всем стало не до разговоров, потому что болтовня не только расходовала силы, но и усиливала сухость и першение в горле.

Деревья разрослись аномально: их стволы стали огромными, кроны взметнулись ввысь. В лесу было лучше, чем под палящим солнцем, но все равно невыносимо душно, и идти становилось все тяжелее.

Сначала они еще могли «гипнотизировать» себя мыслью, что вот-вот найдут воду. Но позже, из-за духоты, усталости, жажды, голода и сонного оцепенения от жары, вся энергия уходила лишь на то, чтобы заставить себя сделать следующий шаг. Они брели в полусне, словно в тумане.

— Сколько еще? — спросил Цзи Яньцин Чжан Гусяня полчаса спустя.

От вопроса Чжан Гусянь сначала оцепенел, не сразу осознав, что к нему обращаются. Он

оглядел бесконечные, незнакомые, толстые, искаженные стволы и неуверенно ответил:

— Нам нужно миновать еще две горы...

Он уже не помнил, как далеко они зашли.

Цзи Яньцин посмотрел на небо, видневшееся сквозь плотные кроны деревьев. Они только что пересекли одну гору.

Было уже около пяти часов, а в шесть наступит полная темнота.

Горы были очень высокими. Даже если идти по склону, чтобы преодолеть еще одну, понадобится минимум два часа. Они не успевали.

Пока в горах было относительно безопасно, по крайней мере, зомби не попадались. Но что может появиться ночью — неизвестно.

Цзи Яньцин как раз обдумывал, стоит ли продолжать путь или лучше искать место для ночлега, как сзади послышался голос.

— Посмотрите, что у меня с глазом, — в голосе Лысого слышалась явственная боль.

Цзи Яньцин обернулся. Левый глаз Лысого, который его беспокоил, полностью налился кровью и покраснел. Смесь слез и крови стекала по щеке. Он не переставал тереть его: терпение, с которым он шел все это время, иссякло.

Цзи Яньцин подошел ближе. В тот же миг, как он разглядел это, у него онемела кожа головы.

— Что там? — спросил Лысый. Он попытался заставить себя открыть глаз, чтобы Цзи Яньцин мог осмотреть его, но нестерпимая боль заставила веко непроизвольно сомкнуться.

— В нем что-то растет, — сказал Цзи Яньцин, снимая рюкзак и ставя его на землю.

Увидев его действия, Лысый почувствовал недоброе предчувствие.

— Что именно растет?

— Что ты чувствуешь? — спросил Цзи Яньцин, игнорируя вопрос.

Остальные остановились из-за внезапной перемены, подошли ближе и, увидев левый глаз

Лысого, дружно ахнули.

— Да что, черт возьми, случилось?! — Лысый попытался потереть глаз.

Цзи Яньцин перехватил его руку.

— Не три.

Глазное яблоко Лысого было полностью налито кровью, из уголка непрерывно сочилась кровяная нить. Но не это заставило Цзи Яньцина почувствовать онемение, а остальных — ахнуть. Истинная причина была в предмете, похожем на травинку, что торчал из глазного яблока.

Тонкий, длинный, как нить, корешок проткнул глазное яблоко и врос внутрь.

Все корни в конечном итоге уходили под его верхнее веко.

Цзи Яньцин на мгновение запнулся, но, взяв себя в руки, с трудом оттянул веко Лысого. Под ним переплетались бесчисленные белые корешки, и даже смутно виднелись тонкие зеленые листья.

— М-м-м... — Лысый вскрикнул от боли и дернулся.

Цзи Яньцин никогда не сталкивался с подобным. Он оглянулся на группу. У всех были невероятно странные лица: смесь страха, недоверия и ужаса, от которой хотелось просто развернуться и бежать.

— Что же там? Говорите! — Лысый занервничал.

Он потянулся к глазу, ощущая острую боль, взял свой нож и, найдя место посветлее, попытался рассмотреть себя в отражении клинка.

Через две минуты, смутно различив корни под веком, он побледнел.

— Что это, черт возьми, за дрянь?!

Ся Шэньшу сказал:

— Похоже, это те самые злаки, что мы видели. На них были цветы, а пыльца, вероятно, и есть семена. Они начинают безудержно расти, как только попадают в воду. Должно быть, эта гадость попала тебе в глаз. Вероятно, в ней содержится что-то, что частично парализует

нервные окончания...

Услышав это, все вспомнили те злаки. То, что росло в глазу Лысого, действительно напоминало их корни, только гораздо тоньше.

Лысый открыл рот, чтобы разразиться проклятиями, но слова застряли в горле.

Лань Цзы попыталась утешить его, но проглотила слова. Одно дело — наблюдать подобное на ком-то, и совсем другое — чувствовать это на себе.

— Что нам теперь делать? — Лань Цзы инстинктивно потянулась к своим глазам, но остановилась, не дотронувшись. На них всех наверняка была эта пыльца.

— Придется вырезать, — сказал Ся Шэньшу.

Мышца под глазом Лысого резко дернулась. Вырезать?

— Пока они не вросли тебе в мозг, — напомнил Ся Шэньшу. В такой ситуации, даже до начала эпидемии, спасти глаз было бы почти невозможно, а уж теперь...

В лесу воцарилась гробовая тишина, наполненная зловещим ожиданием.

Лысый сглотнул, на лбу выступил холодный пот.

Спустя мгновение он протянул свой нож.

— Кто возьмется?

Люди переглянулись. Никто не решался пошевелиться.

Убить зомби и вырезать глаз живому человеку — это две совершенно разные вещи.

— Я, блять, не собираюсь здесь подыхать! Кто знает, сколько еще эта хрень будет расти, пока не доберется до моего мозга? — рявкнул Лысый.

Ся Шэньшу взял нож.

— ...Я еще никогда не вырезал глаз тому, кто в сознании.

Ся Шэньшу осмотрел Лысого. У них не было анестезии.

Мышцы на лице Лысого снова дернулись. Он собирался что-то сказать, но в этот момент повалился набок: Цзи Яньцин ударил его обухом топора и вырубил.

Ся Шэньшу удивился, а затем с некоторым разочарованием присел на корточки.

Цзи Яньцин опустил топор.

— Остальные, идите искать место для лагеря.

Переглянувшись, остальные поспешно разошлись: все понимали, что лучше не присутствовать при этом.

Цзи Яньцин опустился, сунул Лысому в рот тряпки, чтобы тот не прикусил язык, и крепко прижал его к земле на случай, если тот очнется.

Ся Шэньшу тем временем обеззаразил зажигалкой нож, который ему протянул Лысый. У них не было ни лекарств, ни оборудования. Лучше было сделать все быстро, чем медлить.

В тот момент, когда нож вонзился в глазное яблоко, Лысый содрогнулся в припадке боли. Бывший при нем Цзи Яньцин, который был куда меньше, непонятно откуда брал силы, чтобы удерживать его на земле, не давая шелохнуться.

Ся Шэньшу взглянул на Цзи Яньцина, который впервые видел такое, но даже не изменился в лице. Затем он поддел ножом и вынул глазное яблоко целиком.

Разобравшись с глазом и убедившись, что все корни удалены, Ся Шэньшу отбросил нож.

К тому моменту Лысый уже очнулся от боли.

— У-у... — Вены на его лбу вздулись, ноги безудержно молотили по земле. Тело сотрясалось в судорогах от невыносимой боли.

Ся Шэньшу разорвал относительно чистую одежду на полоски и перевязал ему глазницу.

— Дальше ты сам. Сможешь выдержать — выживешь, не сможешь — умрешь.

Лысый взглянул на них двоих и вскоре снова потерял сознание от боли.

Ся Шэньшу поднялся и посмотрел на кровь на своих руках, будто смакуя что-то.

Цзи Яньцин взял нож и осмотрел глазное яблоко на земле. Корни заняли уже треть его объема. Если бы они промедлили, те определенно вросли бы Лысому в мозг.

Через несколько минут вернулись Лань Цзы и те, кто искал место для лагеря.

— Там есть грот, — сказала Лань Цзы.

Увидев глазное яблоко, которое Цзи Яньцин рассматривал, они подошли. Разглядев корни, растущие внутри, все поспешно отступили.

— Осмотрите друг друга, — Цзи Яньцин поднял глаза. — Если найдете что-то, вырежем. Его красивое, милое лицо, произносящее такие леденящие кровь слова, в сочетании с окружающим искаженным лесом, создавало жуткий контраст.

На его фоне даже Ся Шэньшу, с окровавленными руками и предвкушающей улыбкой, казался милым.

У всех были весьма красноречивые лица.

Еще больше их тревожило то, что только Цзи Яньцин постоянно носил защитные очки. Остальные, хоть и закрывали рты и носы, оставляли глаза открытыми.

Цзи Яньцин расстегнул рюкзак, собираясь осмотреть Цзи Аня, но в этот момент со стороны города донесся яростный рев.

Все замерли и обернулись.

— Р-р-р-р!

Привычный звериный рев из-за расстояния не был оглушительным, но примешанные к нему ярость и неистовство все равно заставляли немочь затылок.

Тем временем в городе Фэн Имо посмотрел на свой окровавленный длинный меч.

— Где они?

— Глу... — Король мертвецов, похожий на зверя высотой в три этажа, с трудом выполз из-под обломков. Весь в крови и изможденный, он давно утратил прежнюю надменность. В глубине его глаз читались недоверие и страх.

После пробуждения сознания он чувствовал ауры других Королей мертвецов. Он знал, что в этом мире есть и другие, но всегда считал, что разница между ними невелика. Он даже полагал, что, возможно, является одним из лучших, и гордился этим.

Он никогда не думал, что наступит день, когда его избьют так, что он не сможет дать отпор.

— Р-р-р!

— Зачем ты запер меня? — потребовал ответа Фэн Имо.

— Глу... — Он понятия не имел, о чем говорит Фэн Имо.

Фэн Имо повернул запястье и взмахнул мечом. Его взгляд стал еще холоднее. Ясно, что это сделал он, а теперь он притворяется, что не знает.

<http://bllate.org/book/14654/1301151>